

4 ★ 7 АПР. 38

РАФАИЛ АДЕЛЬГЕЙМ

1920

пейским именем едут в российские захолустные дебри играть Шекспира!

Полувековая «Адельгеймиада» насчитывает множество смешных, печальных и трогательных эпизодов.

В одном из уездных городков за Волгой исправник отказался подписать афишу «Разбойников» Шиллера:

— Какие там еще «Разбойники»! В моем уезде никаких разбойников нет и, пока я здесь исправником, быть не может! Не хочу, чтоб и слух о разбойниках шел!

Пришлось заменить «Разбойников» другой пьесой.

В другом городке «Благочестивый» полицмейстер запретил «Уриэля Акоста» Гюцкова.

— Разве это Уриэль? — удивлялся он. — Это — Иуда. Это — антихрист!

В то время как «Фауст» Гете не шел ни в Москве, ни в Петербурге, братья Адельгейм играли его в самых медвежьих углах.

В одном из маленьких провинциальных городков публика в мгновение ока разобрала билеты на «Фауста». Но уже в первом антракте администратор предупредил антрепренера:

— Публика ропщет, что артисты говорят, а не поют.

— Как не поют? Да ведь это трагедия Гете, а не опера Гуно.

В антракте пришлось успокаивать публику, уверяя, что идет знаменитая трагедия великого Гете, а не опера Гуно.

Но при разъезде, на крыльце к Рафаилу Адельгейму подошел один из шумевших глумовских меломанов и, отвесив поклон, отрезал:

— Хотя ты и обидел нас, не спеи! На земле весь род людской, но чорт ты был настоящий!

В своих скитаниях по Сибири Рафаил Адельгейм с братом заезжали в «места не столь отдаленные» — там большую половину их зрителей составляли политические ссыльные, бурно аплодировавшие республиканским речам Карла Моора и благодарившие артистов, принесших свободное слово Шиллера в гнилую мушшу какого-нибудь Пропалиска.

В одном из южных городов во время представления «Разбойников» молодежь устроила в театре настоящую демонстрацию. Сотни студенческих фуражек летели на сцену, и, когда полиция вздумала арестовать эти фуражки, чтобы по ним добраться до их владельцев, Рафаил Адельгейм категорически объявил приставу: «Все, что публики бросает на сцену: букеты, цветы, фуражки и проч., — все делается собственностью артистов». Получившие таким образом в «собственность» фуражки он немедленно приказал сторожам вернуть студентам с черного хода.

Можно бы вспомнить и рассказать множество подобных эпизодов, но в сказанного, думается, довольно, чтобы признать, каким большим творческим и общественным делом был «культпоход» братьев Адельгейм в

условиях дореволюционной жизни.

Пришла революция, до неузнаваемости изменились условия этой жизни, — «культпоход» продолжался с новой силой и с новым отношением к нему со стороны советской власти. То, что в царской России считалось сомнительным и даже вредным делом подозрительных людей, то в советской стране было признано заслугой перед народом: революция дала братьям Адельгейм звание заслуженных, а с 1931 года — народных артистов республики.

В 1934 году смерть вызвала Роберта Адельгейма из «культпохода». С тех пор Рафаил Адельгейм продолжает его один. Давно заслужив право на почетный отдых, 77-летний артист находит этот отдых... опять в том же «культпоходе» со старым и вечным юным репертуаром Шекспира и Шиллера.

Франц Моор, Бен-Аклиба («Уриэль Акоста»), король Лир — с этими великими спутниками своих молодых и зрелых лет Рафаил Адельгейм не расстаётся и в свои преклонные годы. С ними он молодеет прекрасной молодостью взыскательного художника, отдавшего искусству всю свою жизнь.

Сегодня в помещении Центрального детского театра, в день 50-летия своей деятельности, Рафаил Адельгейм играет одну из любимых ролей — роль Коррадо в драме Джиакометти «Семья преступника».

С. ДУРЫЛИН.